

му подобное, и такъ быстро и темно, что развѣ подобный ему полуумный могъ бы понять его,

Въ Синайскомъ монастырѣ доживаетъ большой вѣкъ свой одинъ старецъ изъ Болгарь. Онъ уже едва едва бродить съ костьюлемъ, и помнитъ только Елисавету Петровну и матушку Екатерину Алексѣевну, при которой Богъ судилъ ему поступить на службу въ наше Христолюбивое воинство. Душа его вся въ Богѣ.

Вотъ какіе люди живутъ на концѣ православнаго міра, у подошвы маститаго Синая!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПОЕЗДКА ВЪ РАИФУ.

30. Пятница.

На западъ отъ сей горы Божіей, у берега Чермнаго моря блеститъ малая, но драгоценная жемчужина, одна изъ тѣхъ, кои составляютъ долю ную койму православно-каѳолической церкви: это — малое христіанское общество въ городкѣ Раифѣ. Желая видѣть сіе общество и соутѣшиться съ нимъ одною вѣрою въ единого Бога и Господа и Духа животворящаго, Троицу святую, которой единосуціе, нераздѣльность и Упостасную особность изображаетъ собою единая вода въ Черномъ морѣ и въ двухъ заливахъ его, обтекающихъ Синайскій материкъ, я со всею дружиною моею рѣшился съѣздить туда. Рѣшимость моя усиливалась любознательностію. Хотѣлось увеличить свои понятія объ уголкѣ земли, о которомъ

упоминается въ Библии и исторіи церковной почти на первыхъ страницахъ ихъ. Подъ вліяніемъ такихъ побужденій путешествіе въ Раиѳу было задумано и условлено съ Бедуинами такъ, чтобы намъ съѣздить туда и возвратиться въ монастырь двумя разными дорогами, именно, чрезъ Уади Хебранъ, и Уади Слхъ.

Предъ восходомъ солнца Шехъ Салехъ прибылъ за нами съ одинадцатью верблюдами и ихъ погонщиками. Обычные споры Бедуиновъ при выюченіи горбатыхъ животныхъ продолжались болѣе ста минутъ. Посему мы двинулись съ мѣста уже въ семь часосъ, и проѣхавъ Рахійскую долину, спустились чрезъ Накбъ Хау въ знакомую Уади Слафъ. Было весьма жарко. Солнце палило насъ не менѣе, какъ и того чернаго козленка, который заблудился въ этой Уади. Бѣдненькій, онъ какъ только увидѣлъ насъ изъ-подъ смерчія, заблѣялъ жалобно и побѣжалъ за нами. Некогда и некому было призрѣть его; и онъ исчезъ между смерчіями и маннами, и остался на злачной пажити. А мы изъ Уади Слафъ поднялись по дурной каменистой стезѣ на такъ называемый Накбъ, т. е. тѣсный взвѣздъ, ведущій въ долину Хебранъ. Съ темени его представилось

дико-величественное зрѣлище. Направо возвышались къ небесамъ и понижались къ Черному морю утесы за утесами и скалы за скалами многогребристаго Зербала; надѣво толпились отроги и холмы угрюмой горы Хау; впереди глубилась стропотная и страшная дебрь Хебранская: и все это освѣщено было яркимъ полуденнымъ солнцемъ такъ, что золотистый отливъ лучей его съ тѣнями и разными цвѣтами горъ составлялъ игру, неуловимую воображеніемъ самымъ восприимчивымъ. Налюбовавшись этою громадною и великолѣпною картиною, я на своихъ ногахъ сталъ спускаться въ глубь дебри Хебранской, или точнѣе, перепрыгивать съ камня на камень, скользить по крутоярьямъ, укладывать ступню въ ступню въ узкихъ тропинкахъ, протоптанныхъ верблюдами, и то щипкомъ, то на пяткахъ и цыпочкахъ проходить по острымъ камешкамъ и кремешкамъ. Въ началѣ спуска замѣчены были мною двѣ Синайскія надписи, вырѣзанныя слегка на придорожныхъ камняхъ гранитныхъ. Онѣ мимоходомъ начертаны были безвѣстнымъ путникомъ, когда-то ходившимъ либо съ Синая въ Раиѳу, либо изъ Раиѳы въ Фаранъ. Ни время, ни бедуинъ, ни снѣгъ, ни дождь не изгладили сихъ

таинственныхъ письменъ. Занимательны онѣ; но гораздо занимательнѣе самая дѣбрь Хебранская. Она нага, дика, глубока и стремниста. Дождевые потоки изрыли ее и навалили въ ней груды камней. Скалы ея—разноцвѣтны: сини, бѣлы, черны, особенно тамъ, гдѣ она становится узкимъ ущелиемъ, и гдѣ дождевая вода соскакиваетъ съ отвѣсной скалы у дороги. Миновавъ это ущелие, мы скоро очутились на ровномъ ложѣ Хебрана, и не много ниже родника воды расположились ночевать у отвѣсной скалы на крупномъ пескѣ, послѣ утомительной ѣзды въ продолженіи девяти часовъ съ четвертью.

Іюль.

1. Суббота.

Каждый мѣсяцъ года есть маленькій выдѣлъ безконечной вѣчности. А ежемѣсячныя записки мои суть маленькіе выпуски души моей безсмертной. Начинаю седьмый выпускъ. Заглавнымъ рисункомъ его послужить долина Хебранская.

Утро въ Хебранъ.

Насталъ шестой часъ перваго Іюльскаго дня. Верблюды подъ нами пошли. Позади насъ солн-

це озарило двѣ—три маковки окрестныхъ горъ; но въ долину, гдѣ мы шагали, еще лежалъ тѣни.

Вдемъ. Долина становится уже и уже. Ея каменные холмы съ обѣихъ сторонъ сближаются, какъ будто хотятъ что-то уберечь отъ жаркаго солнца, или отъ палящаго вѣтра.

Вдемъ. Наши верблюды мимоходомъ оципываютъ мягкія верхушки Тарфъ. Я присматриваюсь къ симъ деревьямъ, Онѣ по песку стелютъ свои корни и нижніе стволы; и изъ этихъ настоекъ вырастаютъ новыя побѣги. Это напоминаетъ мнѣ тѣ роши на островахъ тихаго океана, въ коихъ вѣтви древесныя сами собою склоняются къ матерѣ своей землѣ, и укоренившись въ ней, даютъ отъ себя молодыя побѣги, которые вырастаютъ деревьями, и въ свою очередь такимъ же способомъ образуютъ новыя тѣннолиственные своды.

Вдемъ. Слѣва намъ свѣтитъ небесный Часонъ. Смотрю на искусственнаго указателя его и насчитываю восемьдесятъ минутъ отъ начала отправления нашего съ ночлега. Потомъ гляжу въ долину: она не много расширяется; ея холмы кажутся миловиднѣе; появляются финиковыя пальмы, и между ними изъ земли выходитъ прѣс-

ная вода и тихо катитъ струи свои у подножія скаль. Мы привѣтствуемъ ручеекъ любезно, улыбаемся ему и пьемъ его сладчайшую влагу. Пьютъ ее и бедуины и верблюды.

Ѣдемъ далѣе. Увеселеніе наше-ручеекъ исчезаетъ, но скоро опять появляется уже разливнымъ потокѣмъ. Его приосѣняютъ пальмы и черныя пилатики. Мы отъ радости спѣшиваемся, пьемъ сладкую воду, умываемся ею и опять садимся на ходящія горбы. Потокъ насъ перегоняетъ, и то бѣжитъ по землѣ, то прыгаетъ черезъ мелкіе камни, журча и шумя, потомъ вдругъ скрывается подѣ землею. Я ѣду и думаю: «такъ благодать Божія въ сытость напоеваетъ жаждущую спасенія душу, потомъ оставляетъ ее на время, опять появляется и дѣйствуетъ въ ней сильнѣе, и опять утаевается на время. Такъ избранникъ Божій порой является въ мірѣ и благодѣетъ ему, порой скрывается, по безмолвіи же снова показуется, какъ обильный потокъ благодати и мудрости, и наконецъ переселяется въ небо.»

Когда мы въѣхали въ одну котловину Хебранской долины, гдѣ снова явился потокъ подѣ сѣнію финичій: Салехъ остановилъ моего верблюда

и сказалъ мнѣ: «побудемъ здѣсь до вечера и переждемъ разгаръ палящаго вѣтра, который бушуетъ теперь въ полѣ. Тамъ онъ задушитъ и насъ и верблюдовъ.» Въ отвѣтъ я спустился съ своего горбуна и укрылся подѣ сухими вѣтвями финиковой пальмы, густо склонившимися долу по ея чешуйному стволу. Прочіе расположились подѣ другими пальмами. Близъ нашего кочевья потокъ низвергался съ большаго лежащаго камня и у подошвы его образовалъ ставокъ.

Итакъ вотъ что берегутъ стѣсненные холмы и скалы Хебранскія, — сладкую воду! На Синаѣ все укрывается отъ жгущаго солнца, — и пѣвчая птичка, и юдольная травка, и кустикъ иглистый, и дерево хвойное, и пальма чешуйная, и бедуинъ сухоребрый, и верблюдъ некрасивый, и прѣсная влага.

Глубока долина Хебранская. По обѣимъ сторонамъ ея тянутся каменные холмы непрерывными, ломаными линіями. Въ эти холмы Всехудожникъ вставилъ разноцвѣтныя полосы, широкія, узкія, прямыя и косвенныя. Въ ихъ разсѣлинахъ висятъ колючія лозы съ крупными капорцами. У подножія скаль и утесовъ зеленѣютъ иглистыя смерчія. При потокѣ качаются тонкіе

и черные пилятики, и растет жесткая осока. Въ иномъ мѣстѣ кустятся хвойныя Тарфы, въ другомъ особятся иглистыя акаціи; здѣсь толпятся высокія пальмы, а вездѣ растутъ разные злаки. Бедуины знаютъ названія каждой травки — муравки. А длинноухія козы и горбатые верблюды питаются ими безъ этого знанія. Пріятно ѣхать по такой долинь. Синай—мнѣ рай!

Полдень въ Хебрань.

Минули три съ половиною часа по полудни. Настала пора перекочеванія. Бедуины начали вьючить верблюдовъ. Мы умыли свои горячія лица, напились холодной воды и снарядились въ путь дальній.

Вдемъ. Подъ нами бѣжитъ рѣзвый потокъ. Невѣжливые верблюды топаютъ ногами по водѣ. Отъ нея летятъ брызги и сгоняютъ съ нихъ мухъ.

Вдемъ. Насъ перегоняетъ потокъ. Его клетчатая ткань на песчаной канвѣ переплетается съ камешками. Пріятно смотрѣть на этотъ живой узоръ.

Вдемъ. Потокъ низвергается съ високаго камня и образуетъ немелкую заводь. Смотрю: одинъ бедуинъ погружаетъ въ нее сухую вѣтвь фини-

чія. Спрашиваю: для чего? Отвѣчаютъ: для того, чтобы чистить ею длинное горло верблюда, когда въ немъ заведутся пиявки.

Вдемъ. Потокъ скрылся. Куда онъ струится подъ горячую землю? Богъ вѣсть. Жаль было расстаться съ нимъ.

Вдемъ. Конецъ горамъ и нарядной Хебранской долинь! Предъ нами развернулась просторная, песчаная равнина, Каа, Библейская Раа-ка, съ которой древле Израиль прошелъ къ горѣ Божіей, Синаю. Въ передней дали бѣлѣла гора. Протягаясь съ сѣвера на югъ, она заслоняла отъ насъ Черное море и берегъ Африканскій.

Шагаемъ поперекъ Каайской пустыни прямо къ сему морю. Солнце палитъ насъ. Жгучій вѣтеръ, какъ пламя изъ печи, обдаетъ насъ. Отъ жара и жажды изнемогаетъ брренное тѣло, данное душѣ въ товарища на пути бытія.

Шагаемъ по той же пустынь. Солнце сѣло за горами, тамъ, гдѣ подвизались Павелъ и Антоній. А знойный вѣтеръ дуетъ пуше и пуше.

Мы удвоили шаги. На небѣ показалась четверть луны и засвѣтились многія звѣзды. Одна изъ нихъ полетѣла съ своего мѣста. Полетъ ея

замѣтилъ проводникъ мой и сказалъ мнѣ: «монахъ палъ съ неба.» Я подивился странному повѣрью бедуина.

Потускла луна. Ярче заблистали горнія свѣтила. Между ними я указалъ проводнику своему большую медвѣдицу и спросилъ его: какъ вы называете это созвѣздіе? «Скорпіономъ» отвѣчалъ онъ.

Меня объяла дремота. Едва держусь на верблюдѣ, и когда открываю глаза, вижу впереди какое-то одинокое дерево. Поѣздъ мой приблизился къ нему и остановился. Оказалась акація. На ней было болѣе шиповъ, чѣмъ листьевъ. Тутъ мы расположили станъ свой и крѣпко заснули, палимые пламеннымъ вѣтромъ.

2. Воскресеніе.

А пробудились прохлаждаемые вѣяніемъ съ моря. На простывшихъ часахъ моихъ стрѣлка показывала начало пятого часа. Закипѣлъ самоваръ. Начались проворные сборы въ дорогу. Благовонный чай выпить. Верблюды пошли въ Раиѳу, до которой оставалось верстъ десять. Солнце показалось изъ-за вершины Зербала. Отъ насъ потянулись длинныя тѣни и двигались словно Гас-

концы на высокихъ ходуляхъ. Скоро мы взѣхали на глинистую привысь Каайской равнины, покрытую безчисленнымъ множествомъ бугровъ и выпуклинъ, кои казались мнѣ гробами похотѣнія Израильтянъ. Среди этой привыси тянется къ Раиѳѣ широкая лощина съ русломъ дождеваго потока, наполненная манновыми деревьями. По ней мы шли торопко. Арабы называютъ ее Сбра ель-Абтѣй. Въ этомъ названіи слышится отголосокъ преданія о Набатейхъ, которые, по сказанію Діодора Сицилійскаго, жили на берегу Чермнаго моря.

По выходѣ изъ Абтейской лощины мы ясно увидѣли Раиѳу. Нѣсколько сѣрыхъ домиковъ, раздѣленныхъ на двѣ части, и налѣво отъ нихъ приземистое укрѣпленіе, а направо остовы раззоренныхъ хижинъ, словно надгробныя памятники Турецкіе, вотъ что представилось взорамъ и жадному любопытству на самомъ берегу Чермной пучины.

Христіане Раиѳскіе были предувѣдомлены о нашемъ приѣздѣ, и потому встрѣтили насъ у Синайскаго подвѣрья. Всѣ они были въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ и въ красныхъ фесахъ. Благословляя ихъ, я замѣтилъ, что у однихъ лица —

Греческія, а у другихъ Еврейскія. У крыльца подворья привѣтствовалъ насъ достопочтенный іеромонахъ о. Мелетій, какъ старецъ, который уже не зреть на лица людскія, потому что чаеть скорого вселенія въ ликахъ Ангельскихъ. Голова его скривлена къ правому плечу послѣ паденія съ верблюда. Въ правомъ глазѣ его, черномъ какъ уголь, (лѣвый лопнулъ отъ болѣзни) выразались умъ, благость и спокойствіе души.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ РАНОѢ.

По желанію моему о. Мелетій провелъ насъ въ церковь св. Георгія, построенную на дворѣ монастырскаго приюта. Приложившись къ святымъ образамъ и къ престолу, я внимательно осмотрѣлъ сіе малое святилище. Оно весьма бѣдно, но чисто. Антиминсъ освященъ Антоніемъ епископомъ Коломенскимъ въ 1713 году. Очевидно, его вывезъ изъ Москвы какой — нибудь Синайскій монахъ, собиравшій тамъ добротныя подаванія. Иконостасъ въ церквѣ сооруженъ изъ простаго дерева. Работа его не художна; но занимательны рѣзныя украшенія на немъ. Въ нижнемъ ярусѣ, подъ мѣстными иконами, нарѣзаны большіе пауки морскіе, такъ называемыя каракаптицы, а въ верхнемъ — разныя рыбки, подъ крестомъ же, водруженнымъ на иконостасѣ, змѣйки. Все это сработалъ отецъ нашего Ханны, скон-